

АКЦИОНИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА: ПОДХОД БЕННО ВЕРЛЕНА

Юлия Бедаш¹

Abstract

The article is dedicated to the consideration of Benno Werlen's action-oriented approach in space studies. Avoiding a meta-physical way in space interpretation (as existing irrespective of social dimension), Werlen treats «spatial turn» as transition to the analysis of space in terms of action, that is as social phenomenon. He comes to the conclusion that different types of action (goal-instrumental, norm-oriented, and interpretive ones) correspond to different ways of geography-making (disposition models), and the changes of – dominating in the society – type of action inevitably entails the changes in the constitution of space. Mediatization of contemporary life cannot but influence our spatial practices and place identity, which makes Werlen announce the formation of new geographical consciousness.

Keywords: action-oriented paradigm in space studies, Benno Werlen, spatial turn, the geocode of media, new geographical consciousness.

Вопреки устойчивой тенденции толковать «пространственный поворот», произошедший в современных социальных и гуманитарных исследованиях, как «возвращение к пространству»², швейцарский социальный географ Бенно Верлен предпочитает, напротив, рассматривать этот «поворот» как осознанный отказ от пространства, точнее, от ориентированной на пространство научной парадигмы, рассматривающей его в качестве предмета своего исследования, и переход к практико-центрированной исследовательской перспективе.

«Тот факт, что социальный мир производится и воспроизводится социальными действиями, означает, что именно эти действия, а не “пространство”, и составляют этот мир»³.

¹ Юлия Бедаш – старший преподаватель кафедры наук о культуре Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия), лектор Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

² Wachmann-Medick D. *Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2006. S. 284–328.

³ Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1, № 2. С. 33.

С точки зрения Верлена, центрированный на пространстве подход обречён на редукционизм: если пространство рассматривать отдельно от остальных важных элементов социального действия, то такой способ анализа с неизбежностью приведёт либо к полной реификации, либо к метафоризации пространства. В духе Мартина Хайдеггера, Мориса Мерло-Понти и Мишеля Фуко он считает, что пространство можно анализировать лишь со-тематически, то есть как необходимое, неустранимое измерение человеческого действия и практики, не делая при этом его отдельной темой, предметом исследования.

«Вместо того чтобы делать на ортодоксальный географический манер пространство предметом исследования, в рамках практико-центрированной перспективы необходимо прояснить, какое значение имеют пространственные содержания действия для конституции социально-культурных действительностей».⁴

Свой отказ от «пространственного фетишизма» Верлен объясняет именно тем, что чрезмерный акцент на пространстве приведёт лишь к появлению ещё одной редукционистской позиции: человеческую жизнь невозможно свести к пространственным категориям. Этот тезис он усиливает своими размышлениями о социально-политических импликациях подобных теорий:

«У меня сложилось ясное впечатление, что любое научное объяснение, основанное на пространственном фетишизме или на преувеличении пространственного фактора в социальном мире, ведёт к репрессивным дискурсам и к репрессивной политике»⁵.

Главная проблема современных концепций пространства (к ним Верлен относит, прежде всего, теории Анри Лефевра и Эдварда Соджи) в том, что они, пытаясь реабилитировать пространственную проблематику в социальных науках, зачастую анализируют некое «пространство в себе», невольно делая его своего рода причиной, детерминирующей все социальные процессы.⁶ Чтобы избежать этого имплицитного детерминизма в анализе пространственного измерения социальной действительности, необходима, по Верлену, новая концепция («альтернативная социальная география»), которая смогла бы послужить надёжной интерпретативной матрицей для анализа «момента пересечения субъективности, общества и пространства»⁷. Для этой ориентированной на действие/практику исследовательской перспективы ключевым является не вопрос о том, что такое пространство, а вопрос: «Какие пространственные констелляции и отношения характерны для повседневных практик в тех или иных обществах?»

⁴ Werlen B. Körper, Raum und mediale Repräsentationen // J. Döring, T. Thielmann (Hgs.), *Spatial Turn: Raumparadigma in den Kultur und Sozialwissenschaften*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2008. S. 366.

⁵ Верлен, указ. соч., с. 27.

⁶ Werlen, op. cit., S. 370.

⁷ Верлен, указ. соч., с. 26.

Ориентированный на действие социальный анализ должен, согласно Верлену, поставить в центр своего внимания действия людей и рассматривать пространственное как измерение действия, а не наоборот. Отстаиваемая Верленом парадигма действия имеет как минимум пять преимуществ, а именно: (1) тот факт, что объяснение социального процесса в теории действия формально делает возможным её использование в анализе различных социальных феноменов, (2) эта парадигма противится механицистским трактовкам социальной жизни, (3) в ней делается акцент на творческом и интересубъективном аспектах действия, (4) учитывается телесность действующего, (5) а также исключается причинная детерминация, свойственная естественно-научным подходам.⁸

Верлен критикует отстаиваемую Анри Лефевром и его последователями марксистскую модель экспликации социальных феноменов вообще и социального пространства в частности с опорой на доминирующие в обществе производственные отношения: социальные системы отличаются друг от друга не только по способу производства. Проблема левых теоретиков (и Лефевра в частности) заключается в том, что они, с точки зрения Верлена, редуцируют действие к труду и производству, что существенно обедняет рисуемый ими образ действительности (соответственно, пространства). Верлен находит весьма проблематичным тот способ, каким Лефевр описывает производственные отношения. Утверждая, что эти отношения «имеют социальное существование лишь постольку, поскольку они существуют в пространстве, проецируются, вписываются в него и в то же время его производят»⁹, Лефевр, согласно Верлену, тем самым совершает «двойную реификацию»: реификацию пространства (описывая его как субстанциализированное пространство-контейнер) и реификацию социальных отношений. Подобный ход рассуждений приводит, с точки зрения Верлена, к достаточно узкому взгляду на социальный мир, который, по сути, сводится к его материальной составляющей, так как для Лефевра

«социальное существует только в материальном и может быть воспроизведено только материальным»¹⁰.

Этот имплицитный материализм оборачивается у Лефевра имплицитным эссенциализмом: «определяя “пространство” как объект исследования, он [Лефевр] становится также и эссенциалистом, поскольку реифицирует пространство, наделяя его содержанием, обладающим детерминирующей силой»¹¹.

Теории, в которых человеческая деятельность сводится к её пространственному выражению, рискуют, замечает Верлен, выстроить причинно-следственную связь между телом и смыслом действия, редуцировав все социокультурные аспекты действия

⁸ Верлен, указ. соч., с. 27.

⁹ Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991. P. 151–152.

¹⁰ Верлен, указ. соч., с. 34.

¹¹ Там же.

к материальной причине. Такой ход рассуждений опасен прежде всего потому, что он близок холистским (расистским, сексистским и т. д.) интерпретациям социального. С точки зрения Верлена, необходимо объяснить не всё социальное в пространственных категориях, а, наоборот, пространственное – в категориях действия.

Разрабатывая свой акционистский подход, Бенно Верлен тем не менее рассматривает его как альтернативу не столько марксистскому (Анри Лефевр, Дэвид Харви, Эдвард Соджа и т. д.), но прежде всего бихевиористскому подходу, долгое время доминировавшему в социальной географии (прежде всего в форме геодетерминизма). Бихевиористы анализируют человеческое действие как поведение, то есть как ответную реакцию тела на социальную и физическую среду, которая играет роль стимула. Пространство здесь, как можно заметить, выступает именно в роли стимула, причины:

«Тела реагируют детерминистским способом и детерминированы непреднамеренно»¹².

Однако возникает вопрос: может ли помочь такой подход в анализе пространственного измерения социальной жизни вообще и пространства в частности? Конечно, нет. Реакция организма на раздражители (поведение) не является социальным действием. Бихевиоризму, объясняющему человеческую активность стимулами, Верлен противопоставляет теорию действия, в которой акцент ставится на интенциональном и рефлексивном характере человеческой деятельности.

«Сосредоточиваясь на ментальных процессах индивидов, когнитивный бихевиоризм не способен перенести своё исследование на общество. Причиной тому – допущение о том, что смысловой контекст социально значимой деятельности сводим к индивидуальному стимулируемому действию. Тем самым социальный контекст отсекается. Проблемные ситуации представляются, в лучшем случае, в свете индивидуальных когнитивных диссонансов. Смысловой контекст социального мира можно уловить, если мы будем рассматривать деятельность членов общества как интенциональную, а не просто как “реакции” на стимулы. Теория действия предоставляет для этого понятийный аппарат; бихевиористская теория – нет».¹³

В отличие от поведения, в действии можно, по Верлену, аналитически вычленив четыре элемента, указывающих на его интенциональный и социальный характер: (1) набросок действия, (2) схватывание ситуации, (3) реализацию действия, (4) результат действия.¹⁴ Отказавшись объяснять – на бихевиористский манер – социальное психологическим, Верлен ставит в центр своего социально-географического исследования действия людей как сознательно осу-

¹² Верлен, указ. соч., с. 39.

¹³ Там же, с. 41.

¹⁴ Werlen B. *Sozialgeographie: Eine Einführung*. Bern, Stuttgart, Wien: Haupt Verlag, 2004. S. 319.

ществляемые и ориентированные на некую цель и рассматривает пространственное как измерение действия, а не наоборот. Другими словами, свою задачу Верлен видит не столько в создании некой ориентированной на действие науки о пространстве, сколько в создании ориентированной на пространство науки о действии.¹⁵

Подчёркивая первичность действия для исследования пространственного измерения социальной жизни, Верлен отстаивает позиции *методологического индивидуализма*.¹⁶ Критически синтезируя подходы Вебера, Поппера, Шютца, Парето и Парсонса, Верлен приходит к убеждению, что для исследования пространственных аспектов действия необходимо, кроме социально-культурных контекстов, также принимать во внимание субъективные перспективы действующих. Методологический индивидуализм не отрицает реальности коллективностей и институтов, он лишь подчёркивает, что все социальные феномены, в частности социальные институты, являются результатом действий, решений, установок и т. д. акторов как отдельных личностей. Только индивиды, согласно Верлену, могут быть акторами. Он оспаривает тенденцию приписывать неиндивидуальным субъектам, как-то: «экономика», «пролетариат», «церковь», «промышленность» и т. д. – способность полагать цели и совершать действия. Верлен, немного преобразовав известное выражение Маркса, утверждает, что только люди творят свою собственную историю и географию, однако делают это они не произвольно, а в данных им обстоятельствах.¹⁷

Пространство Верлена – это «не эмпирическое, но формальное и классификаторское понятие. Это система координат для физических составляющих действия и обозначение для проблем и возможностей, относящихся к исполнению действия в физическом мире»¹⁸. Пространство не может быть эмпирическим понятием, поскольку в мире нет такой вещи, которую мы могли бы назвать «пространством». Однако это не делает его избыточным понятием. Пространство – это система координат, в которой учитываются материальная составляющая действия и наделённый телом субъект. И только в ходе действия (с определёнными намерениями и в определённой ситуации) эта материальность/телесность обретает смысл, а не наоборот.

Центральной задачей для Верлена является, таким образом, анализ способов действия, которые, в свою очередь, приводят к формированию определённых «моделей размещения» (*Anordnungsmustern*)/пространственных практик, играющих впоследствии роль условий возможности или препятствий для будущих действий индивидов. Ключевым для него, таким образом, оказывается следующий вопрос: какие индивидуальные и социальные последствия

¹⁵ Werlen, *Sozialgeographie: Eine Einführung*, op. cit., S. 310.

¹⁶ Werlen B. *Sozialgeographie alltäglicher Regionalisierungen*. Bd. 1. Zur Ontologie von Gesellschaft und Raum. Stuttgart: Steiner, 1995. S. 21.

¹⁷ Ibid., S. 37.

¹⁸ Верлен, указ. соч., с. 33.

имеют характерные для того или иного общества «модели размещения» в локальной и глобальной перспективах? Именно с опорой на такую исследовательскую перспективу мы можем, с точки зрения Верлена, найти доступ к глобализированным условиям жизни и характерным для них социальным отношениям.¹⁹ Но прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, изложим вкратце ту теорию социального действия, которая служит Бенно Верлену остоном для анализа пространства.

Чтобы отстаиваемый Верленом методологический индивидуализм не был ложно истолкован в качестве субъективизма, исследователь особое внимание акцентирует на интересубъективном измерении действия. Исходным пунктом для действия является, таким образом, не внешнее раздражение, но некий проект, намерение, соответственно, интенция: материальные и социальные аспекты ситуации интерпретируются в соответствии со специфическими целями. Методологический индивидуализм и тезис о субъективном «наделении смыслом» (*Sinngebung*), который роднит позицию Верлена с социологией М. Вебера и феноменологией Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, предполагают, что индивид не действует как ему вздумается, а так или иначе ориентируется на интересубъективную взаимосвязь значимости. Последняя представляет собой социокультурную систему ориентации (*Orientierungsraster*) и охватывает действующие в обществе ценности, нормы и постулаты, которые всякий раз находят своё выражение в каждом отдельном действии. Эта система координат играет роль «резервного фонда», предоставляющего или устраняющего некоторые возможности для действия. Несмотря на это, Верлен (в духе Макса Вебера) называет механизм «наделения смыслом» субъективным, поскольку каждый действующий по-своему интерпретирует предлагаемый обстоятельствами набор возможностей – опций для действия.²⁰

Тезис о том, что только индивиды являются акторами, не означает, что действия являются исключительно индивидуальными. Действия всегда выражают определённый социально-культурный контекст. В попытке выявить этот социально-культурный шлейф действия важно, по мнению Верлена, принимать во внимание перспективы сразу нескольких теорий действия, поскольку каждая описывает определённую область действительности и соответствующую этой области «модель размещения» (пространственный порядок), тематизируя специфическое измерение повседневной практики. Другими словами, всё многообразие социально-пространственных практик невозможно описать с опорой на какую-то одну теорию действия. Последнее привело бы к формированию очередной редукционистской концепции. Так, Верлен опирается на: (1) *теорию целерационального действия*, представленную в концепциях Вильфредо Парето и Макса Вебера, (2) *ориентированную на нормы теорию действия*, представленную структурно-

¹⁹ Werlen, *Sozialgeographie: Eine Einführung*, op. cit., S. 311–312.

²⁰ Ibid., S. 317–318.

функциональным подходом Талкота Парсонса и Роберта Мертона и (3) *интерпретативную (ориентированную на коммуникацию и взаимопонимание) теорию действия* Альфреда Шютца.

Теория целерационального действия позволяет описать в первую очередь практики из экономической жизни (понимаемой в самом широком смысле), которые ориентированы на здравый смысл и рациональность. Эта теория позволяет объяснить технические аспекты проблем и обнаружить их решения путём указания на поиск подходящего средства для достижения той или иной цели.

Для ориентированной на нормы теории действия особый интерес представляют те нормы и ценности, на которые действующий субъект должен ориентироваться в том или ином обществе, дабы обрести необходимую социально-культурную компетенцию. Эта теория действия рассматривает проблемы, связанные с формированием социального порядка, социально-политических норм и культурных ценностей.

В ориентированной на взаимопонимание (коммуникативной, интерпретативной) теории действия субъект рассматривается в свете его способности к смысловому конституированию различных областей действительности. Здесь анализ действия осуществляется с учётом двух важных моментов: а) существенную роль в процессе усвоения знания играет телесный опыт, б) процесс наделения смыслом вообще и целеполагания в частности всегда связан с уникальным – биографическим – опытом субъекта. Интерпретативная теория действия обнаруживает особую «аналитическую чувствительность» к проблемам, связанным с различными аспектами процесса конституирования смысловых регионов.²¹

Перечисленные концепции действия соответствуют, с точки зрения Верлена, различным контекстам повседневной практики. Соответственно, необходимо различать между целерациональным, ориентированным на нормы, и коммуникативным (ориентированным на взаимопонимание) контекстами действия. Каждая из перечисленных сфер повседневной действительности имеет свою специфическую пространственную архитектуру. Так, в отношениях между обществом и пространством Верлен фиксирует следующую особенность: *изменения в характере действия неизбежно ведут к изменениям в конституции пространства.*²²

Трёх перечисленным типам действия соответствуют различные формы пространственных практик и области эмпирического исследования. Так, целерациональному действию соответствует *метрический* (формализованный) подход к пространству. Именно формализация действительности вообще и пространства в частности сделала возможной целерациональную калькуляцию. Подобные концепции пространства Верлен называет *картографическими*, поскольку формализация и метризация послужили необходимыми предпосылками для современных практик картографиро-

²¹ Werlen, *Sozialgeographie: Eine Einführung*, op. cit., S. 325–326.

²² Ibid., S. 328.

вания земли. Эмпирическим полем исследования для этой теории действия являются повседневные «географии производства и потребления» и соответствующие им «модели размещения» (рынки, фабрики, заводы, торговые центры и т. д.).

Ориентированная на нормы теория действия тематизирует, соответственно, нормативный характер пространственных практик. Нормативно-прескриптивные правила, выражающие определённые ожидания от действующего в той или иной ситуации, приводятся в действие через *территоризацию* (*регионализацию*, *сегрегацию*) и соответствующие пространственные порядки. На подобные регионализации указывают всем нам известные таблички: «служебный лифт», «посторонним вход запрещён», «вход только по пропускам» и т. д. Так, благодаря этим практикам установления границ осуществляется контроль над субъектом и его телом. Отношения между властью и пространством проявляются здесь прежде всего как отношения между властью и телом. Несмотря на то что самой известной формой такого соединения норм, тел и пространства является национальное государство, территория также и для других социально-пространственных отношений. Ориентированная на нормы теория действия позволяет исследовать не только национально-государственную территорию, но также этнические регионализации, сегрегации по полу, возрасту, статусу и т. д. Одним словом, эмпирическую область исследований для этой теории действия образуют «нормативно-политические географии повседневности, которые представляют собой практики установления и усвоения пространственных норм и политического контроля. Именно эту – центрированную на теле и в то же время инструменталистскую – форму социально-пространственных отношений критически в своё время анализировал Мишель Фуко²³, работу которого Верлен, надо заметить, высоко ценит, о чём, в частности, свидетельствует следующая цитата:

«Я утверждаю, что мы должны взять положение Фуко, согласно которому “власть существует только тогда, когда она приведена в действие”, и “власть” осуществляется только одним над другим или посредством другого. Тот факт, что (для осуществления “власти”) тело, человеческая телесность и другие материальные средства имеют ключевое значение, не должен приводить к заключению, что “пространство” как таковое есть нечто соотнесённое с властью, разве что “пространство” обозначает совокупно все материальные условия, воздействующие на телесность действующего. Как я уже отмечал, эти условия должны быть в центре любой теории действия»²⁴.

²³ См. Foucault M. The Incorporation of the Hospital into Modern Technology // J. Crampton, S. Elden (eds.) *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. Hamshire, Burlington: Ashgate, 2007; Foucault M. Des espaces autres [1967/1984] // *Architecture, mouvement, continuité*. 1984 (octobre). № 5. P. 46–49.

²⁴ Верлен, указ. соч., с. 36.

Соглашаясь с Фуко в том, что власть часто даёт о себе знать в форме территоризации (регионализации, сегрегации), то есть она связана с предписанием тех или иных пространственных норм, Верлен тем не менее не склонен, в отличие от Фуко, описывать социально-пространственные отношения исключительно в терминах власти. Именно поэтому в своей акционистской теории пространства он учитывает сразу несколько концепций действия. Не все социально-пространственные порядки и модели размещения можно описать в терминах власти, подчинения (концепция нормоориентированного действия) или расчёта (концепция целерационального действия). Эти концепции, например, не позволяют объяснить феномен экзистенциальной привязанности человека к определённым местам, будь то любимое кафе, парк, комната, родной город и т. д.

Наряду с производственно-потребительскими и нормативными аспектами важную роль играют также эмоциональные и коммуникативные аспекты пространственных данностей. Именно интерпретативная, ориентированная на коммуникацию и взаимопонимание, теория действия позволяет, с точки зрения Верлена, тематизировать пространственные условия коммуникации. Здесь, как и в ориентированном на нормы подходе, также делается акцент на телесности действующего, однако последняя анализируется уже не в терминах власти (контроля, подчинения, насилия и т. д.), а в аспекте креативности, то есть с точки зрения того, какую роль играет живое тело в процессе формирования социальной компетентности (биографического запаса знания) и конституирования смыслового измерения пространственного контекста действия. Другими словами, речь идёт о телесных аспектах коммуникации и intersubjectively значимых, пространственно кодированных «регионов смысла» как символизирующих эмоциональную привязанность человека к определённым местам.²⁵

Символическое кодирование мест играет ключевую роль в процессе формирования социально-культурных действительностей. Их анализ позволяет, в частности, прояснить реально-воображаемый характер таких пространственных категорий, как «родина», «святые места», «дом» и т. д. Эмпирическим полем исследований для этой теории действия являются, согласно Верлену, «информативно-сигнификативные географии» повседневности, то есть пространственные практики, связанные с формированием антропологически значимых мест с особой атмосферой и аурой. При этом речь идёт о значимости, которую невозможно до конца превратить в товар или сделать инструментом власти. Поэтому толкование этой экзистенциальной привязанности человека к тем или иным местам оказывается наиболее продуктивным с опорой на феноменологический подход, в котором опыт пространства рассматривается в его смыслотворческом характере, играющий конститутивную роль

²⁵ Werlen, *Sozialgeographie: Eine Einführung*, op. cit., S. 334.

в процессе формирования биографического запаса знания и непосредственно влияющий на жизненные проекты людей.

Разрабатываемый Верленом акционистский подход для анализа различного рода социально-пространственных отношений продиктован также необходимостью объяснить рост сетей взаимозависимости и глобально-локальный характер современных социальных практик. Расширение области непосредственного опыта благодаря средствам массовой информации и коммуникации не могло не повлиять на условия жизни в конкретно взятом месте. Сегодня на локальные практики всё большее влияние оказывает глобальный контекст. Трансляция многочисленных сообщений, картинок, фактов и мифов посредством СМИ и туризма существенным образом влияет на жизненные проекты людей. Результатом этой культурной глобализации оказывается миграция: желание сменить место жизни связано с тем, что представления о нормах (нормальной жизни) сегодня зачастую формируются по ту сторону локальных контекстов. Чтобы понять, замечают Ульрих Бек и Элизабет Бек-Гернсхайм, как формируются представления о «нормальном» у молодого поколения из «второго» и «третьего» миров, нужно проанализировать картинки и сообщения, которые им поставяляет мир «первый».²⁶

Социально-пространственные отношения повседневной жизни сегодня по-новому конституируются, что придаёт особое значение анализу социально-культурного измерения пространственных практик. Речь идёт прежде всего о *медиализации* этих отношений: опыт, информация, привязанности и т. д. всё чаще приобретаются не в ситуации телесного соприсутствия, а через медиа. Новые средства массовой информации и коммуникации радикально преобразовывают наши пространственные условия жизни.²⁷ Так, на наши повседневные практики всё чаще оказывают влияние так называемые «медиальные геокоды», которые пространственно кодируют жизненные взаимосвязи, участвуют в формировании локальных траекторий и привязанностей (примерами таких «медиальных геокодов» могут служить, напр., «ось зла», «красный пояс России», «курорт мирового уровня», «город порока» и т. д.). Разнообразие средств и каналов информации разрушает прежнее единообразие моделей размещения и способов их присвоения, поскольку сегодня биографический запас знания и характерные для него пространственные порядки в меньшей степени зависят от локального опыта. Всё это, заключает Верлен, вызывает потребность в *новом географическом сознании*²⁸, для которого отправным пунктом в восприятии социального мира будет не пространственная фрагментация, а глобальная взаимосвязь различных стилей жизни.

²⁶ Beck U., Beck-Gernsheim E. Generation Global // U. Beck (Hg.) *Generation Global. Ein Crashkurs*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. S. 246.

²⁷ Werlen, *Sozialgeographie: Eine Einführung*, op. cit., S. 11.

²⁸ См.: Werlen, *Körper, Raum und mediale Repräsentationen*, op. cit., S. 365–392.